

Последние дни Владимира Маяковского

Из воспоминаний Л.А. Гринкруга

*Публикация, вступительная статья
и примечания Б. Янгфельдта*

Лев Александрович Гринкруг (1889–1987) входил в круг ближайших друзей Маяковского и Бриков. Он вырос в Смоленске, где его отец был директором смоленского отделения Московского международного банка. По окончании гимназии переехал в Москву. В 1911 году окончил юридический факультет Московского университета. До революции работал служащим в банке, а в советское время был связан с кинопромышленностью.

Семья Гринкругов принадлежала к немногочисленным в России потомственным дворянам-евреям. Отец Л.А. Гринкруга, Александр Миронович, был по образованию врач (работать в банке он стал после женитьбы на Анне Германовне Шмелькиной, дочери московского банкира). Во время Русско-турецкой войны Гринкругу был пожалован орден св. Владимира 4-й степени, что дало ему право на получение потомственного дворянства.

Лев Александрович знал Л.Ю. Брик с 1913–1914 года, а с Маяковским впервые встретился летом 1915 года, в тот же день, что и Л.Ю. Брик. Он на всю жизнь остался верным другом Маяковского и Бриков, пережив Лилию Юрьевну на девять лет. Воспоминания Л.А. Гринкруга, фрагменты которых публикуются ниже, составляют 34 машинописных страницы. Они были подарены мне автором в 1976 году с дарственной надписью. Когда Л.А. Гринкруг написал их – неизвестно, возможно в 1949 году, в тот же период, что и краткие воспоминания, опубликованные под названием «Не для денег родившийся» в сборнике «В. Маяковский в воспоминаниях современников» (М., 1963. С. 178–182).

Фрагменты воспоминаний Л.А. Гринкруга были использованы мной в сборнике «Любовь – это сердце всего: В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик. Переписка 1915–1930» (М., 1991) и в книге «Ставка – жизнь. Владимир Маяковский и его круг» (М., 2009).

Лев Александрович был человеком скромным, лишенным честолюбия и амбиций. Неслучайно Асеев не упоминает его среди присутствующих на вечере 11 апреля 1930 года – несмотря на то, что игра в карты состоялась благодаря его стараниям. Не являясь литератором, Гринкруг мало интересовался литературными вопросами и конфликтами, и его воспоминания – свидетельства человека, находящегося в центре литературной жизни 1920-х годов, но одновременно вне ее. Помню, на вопрос, почему он не эмигри-

ровал, как его братья, он ответил мне: «А что мне было делать за границей, когда в Москве, вокруг Маяковского, так много происходило, было так интересно?» Отсутствие в его воспоминаниях глубоких психологических портретов и тонкого анализа происходящего восполняется абсолютной честностью и простодушием автора. Ценность этих воспоминаний в том, что они не дают повода им не верить.

Маяковский очень любил играть в карты, играл с азартом, всегда с интересом. Одно время увлекались игрой в винт. Играли часто, относились к игре серьезно, и в эти вечера на парадной двери Бриков появлялась табличка с крупной надписью «Брики никого не принимают». Играли вчетвером, постоянно в одном и том же составе: О.М. и Л.Ю. Брики, Маяковский и я.

Винт – игра сложная, так называемая коммерческая, основанная не только на счастье, везении, но, главным образом, на расчете, памяти, правильном розыгрыше. Маяковский и в эту игру ухитрялся вносить азарт и чрезмерный темперамент. Допустившему ошибку сильно влекало от партнера и больше всех влетало Маяковскому, так как играл он неважко. Самое большое удовольствие доставляло ему сыграть «эффектно», послать партнеру в передаче красивые карты, т. е. тузов, коронку, независимо от того, правильно это было по игре или нет. Увлечение винтом продолжалось много лет подряд.

В 26-м году мать Лили Юрьевны прислала из-за границы очень азартную и интересную, впервые появившуюся у нас, игру «маджонг»¹. Первое время играли запоем. В этой игре кроме Бриков и Маяковского принимали участие Асеев, Катанян, Кирсанов.

Последние годы чаще всего играли в покер.

Но азарт его проявлялся не только в картах. Он мог и любил играть во всяческие игры: домашнюю рулетку, играли в чет-нечет на что угодно, на улице – на номера автомобилей, трамвая, а дома – на любые бумаги, где только имеются цифры. Помню, одно время Лилия Юрьевна жила на даче в Сокольниках². Мы с Маяковским часто ездили к ней на трамвае и всю дорогу играли с ним в чет-нечет на число входящих людей на каждой остановке, и по приезде точно расплачивались наличными деньгами.

Он любил бильярд.

Он никогда не был жадным, а потому денежный результат сам по себе не имел для него никакого значения. Ему интересен был процесс игры и

Маяковский с друзьями и знакомыми на квартире Л.Ю. и О.М. Бриков в Полуэктовом пер. Москва, 1919. 12 октября. Сидят на диване: Маяковский, А.К. Крамфус, А.А. Доринская и О.М. Брик; стоят: Л.Ю. Брик, Л.А. Гринберг и домработница Тоня

важно было выиграть, доказать свое превосходство, унизить партнера. На даче у Лили Юрьевны был бильярд. Играли на «пролаз», т. е. проигравший должен был пролезать под бильярдом. Маяковский искренне радовался, когда обыгранный и уничтоженный партнер на четвереньках пролезал под бильярдом.

В карты играли «на наличные», не потому, что не доверяли друг другу, а опять же для полного «морального» уничтожения проигравшего. Когда у кого-нибудь кончались деньги – ему предлагалось разливать чай, смотреть другим в карты (боже упаси, советовать), словом, делать что угодно, только не играть.

Маяковский был мнителен, чистоплотен и брезглив до болезненности. Как известно, отец его умер от заражения крови в результате какой-то пустяковой ранки. Это произвело большое впечатление на молодого Маяковского, и с тех пор он всегда боялся. Боялся любой царапины, грязи. К тому же был очень брезглив, никогда не выпьет из чужого стакана, не съест из чужой тарелки, в чужих домах, гостиницах всячески старался не прикоснуться к дверной ручке, по возможности избегал городского транспорта, предпочитал шагать через весь

город пешком, лишь бы не дотрагиваться к чему-нибудь руками, десятки раз в день мыл руки и всегда держал для этой цели одеколон.

Всегда аккуратно, чисто одетый, всегда в безукоризненной «свежевымытой» сорочке, вытуюженном костюме, всегда чисто выбритый, Маяковский никогда, ни при каких обстоятельствах, ни дома, ни тем более вне дома, не распускался и не позволял себе никакой вольности в своем внешнем виде.

Хорошо помню последние месяцы жизни Маяковского. Выставка, конфликт с друзьями, последние дни.

В январе 1930 г. Маяковский занялся организацией выставки, по-дышающей всю его литературную, художественную и общественную работу за 20 лет³. Мало кто помогал ему в устройстве этой выставки, почти все приходилось делать самому. Он собрал все вышедшие за эти годы издания стихов, ростинские и другие плакаты, рукописи, газеты, вообще все, что имело отношение к его работе.

Не помогали ему в организации этой выставки и его ближайшие друзья Асеев и Кирсанов. Незадолго до этого, Маяковский, как известно, один из всей лефовской группы вступил в РАПП⁴. Это послужило основанием для крупной ссоры между друзьями, прекратились всякие отношения.

Это очень огорчало Маяковского.

Выставка получилась очень интересная, всегда бывало много народа, особенно молодежи.

Но мне почему-то особенно запомнился последний вечер, в день закрытия выставки.

Это было в конце февраля⁵.

Передо мной висит портрет Маяковского, снятый на фоне плаката РОСТА. Если память мне не изменяет, этот портрет сделан именно на этой выставке. У него очень грустное лицо. И вот таким я его помню именно в этот вечер.

Самые близкие люди, Брики, уехали, друзей Асеева и Кирсанова нет⁶. Он одиноко бродил по комнатам, но все еще надеялся, что, хотя бы в последний вечер, они придут. Разва два он меня спросил: «Коля и Сёму не видел?» Но они не пришли. Его не радовал ни успех выставки, ни множество людей, которые с интересом ее рассматривали. В тот вечер он снова читал «Во весь голос», очень хорошо принятый публикой⁷. Но все это происходило как будто мимо него, ничего не замечая, он был тихий, грустный.

Я лично не видел, но потом говорили, Кирсанов однажды был на выставке, но Маяковский не подал ему руки. И будто бы это послужило основанием для стихотворения Кирсанова «Цена руки»⁸.

По окончании вечера мы с ним уехали домой, в Гендриков переулок.

Все трое болезненно переносили эту ссору, всем в одинаковой степени хотелось примириться. Я всячески старался их помирить. Первым помирился Кирсанов.

Это произошло вскоре после закрытия выставки. Как-то, будучи у меня, Кирсанов позвонил по телефону Маяковскому, который без лишних разговоров, очень просто, пригласил Кирсанова с женой (Клавой) к себе вечером. Они пришли, и о ссоре не было сказано ни слова.

С Асеевым вышло сложнее. Долгое время никто не хотел сделать первого шага, хотя обоим хотелось примириться. Такое положение продолжалось до 11 апреля.

Нужно сказать, что вообще все последнее время Маяковский был в очень плохом, подавленном настроении. Еще в конце февраля Брики уехали из Москвы, а с первых чисел марта он заболел. У него был грипп, несерьезный, но длительный, с небольшой температурой. Погода стояла плохая, мокрая, и он целый месяц, за исключением отдельных выступлений, большую часть сидел дома.

Я очень часто приезжал к нему: чаще всего мы сидели вдвоем и играли в самые разные игры. Придумали какую-то детскую игру в блошки, но из нее мы ухитрились сделать азартную игру и с большим увлечением просиживали над ней часами. Приходили Полонская и Яншин, а кроме них все это время почти никто не бывал.

В первых числах апреля я решил во что бы то ни стало помирить Маяковского с Асеевым. 11 апреля я с утра до вечера висел на телефоне и звонил то одному, то другому. Вопрос шел о том, кто кому первый позвонит. Маяковский говорил: «Если Коля позвонит, я немедленно помирюсь и приглашу его к себе». Когда я об этом сказал Асееву, тот ответил, что «пусть Володя позвонит», если Володя позвонит, он тотчас же приедет.

И это продолжалось целый день. Наконец, к семи часам вечера, я сказал Маяковскому, что мне надоело звонить по телефону: «Будь ты выше, позвони Коле и пригласи к себе». Асеев пришел и вечером мы впятером (Полонская, Яншин, Маяковский, Асеев и я) играли в покер. Маяков-

ский играл небрежно, нервничал, был тихий, непохожий на себя.

Помню, перед игрой он распечатал пачку в 300 рублей, и нельзя сказать даже, что он их проигрывал. Он просто безучастно отдавал их. А это для него было совершенно необычно, так как темперамента в игре, как я уже писал выше, у него было всегда даже слишком много⁹.

Это было 11 апреля, а 13-го я шел по Мясницкой улице и около моих ворот меня окликнул Маяковский, который ехал на машине с Полонской. Они остановили меня, оказалось, что, увидев меня издали, они держали пари — я это или не я. Мы зашли в ворота, я обратил внимание на его необычную взволнованность и спросил его: «Что у тебя такой вид, как будто тебе жизнь не жизнь?» На это он, криво улыбнувшись, ответил: «А, может быть, мне действительно жизнь не в жизни»¹⁰.

Он звал меня к себе вечером играть в карты. Но я был занят, ответил, что не смогу, обещая прийти завтра. «Ну, завтра я тебе позвоню». Они уехали и провели вечер у Катаева.

Наутро его не стало¹¹.

Что было причиной самоубийства? Многое нагромоздилось в его жизни за последние годы, что могло повлечь за собой такой печальный конец. А повышенная, гиперболическая чувствительность, болезненная нервозность вообще, а особенно с событиями последнего времени — все это усугубляло и ускорило конец.

Он застрелился в своей комнате в Лубянском проезде.

Через несколько часов его перевезли в Гендриков переулок. Мне позвонили, и я сейчас же туда приехал. Вся Москва сразу об этом узнала, в квартиру приехали его друзья, знакомые и даже малознакомые, все были потрясены. Когда пришел Асеев, он со слезами бросился ко мне со словами: «Я никогда не забуду, как ты помирал меня с ним». Пришли Пастернак, Кирсанов, Незнамов, Катанян, Михаил Кольцов и др. Брикам решили дать телеграмму за подпись Агранова и моей¹². Когда было получено от них известие о выезде, Катанян поехал встретить их на границу¹³.

Затем гроб был перевезен в Дом писателей. 17-го, после приезда Бриков, тут же состоялась траурная панихида, после чего гроб, установленный на грузовик, а за ним огромная толпа народа, направились к колумбарию¹⁴.

Вся Поварская была запружена народом, в основном молодежью. Вначале Михаил Кольцов сел за руль на грузовик. При входе в колум-

бари было такая давка, что пришлось закрыть ворота и большинство не могло войти во двор. <...>

¹ Мать Л.Ю. Брик, Елена Юльевна Каган, не прислала, а привезла в Москву игру «ма-джонг», когда вернулась в СССР из Лондона летом 1925 г.

² Брики снимали дачу в Сокольниках в 1924—1926 гг.

³ На самом деле работа над выставкой началась еще осенью 1929 г.

⁴ Маяковский заявил о вступлении в РАПП 6 февраля и в тот же день был принят в организацию.

⁵ Выставка открылась 1-го и закрылась 15 февраля 1930 г.

⁶ Ошибка памяти: Брики уехали в Берлин только через три дня после закрытия выставки.

⁷ Ср. воспоминания Е. Таратуты: «Было около 500 человек. В раздевалке не было места, и толпа стояла у запертых дверей. Он читал “Утро”, “Левый марш”, еще что-то и последнее опять (“Во весь голос”)» (Катанян В. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. М., 1985. С. 485).

⁸ После того как Маяковский отказался поздороваться с Кирсановым, тот написал стихотворение «Цена руки», где по сути отказался от дружбы Маяковского: «Пемзой грызть! / Бензином кисть облить, / чтобы все / его рукопожать / со своей ладони / соскоблить». Стихотворение было напечатано в «Комсомольской правде» в тот же день, 8 февраля, когда молодой рапповец Александр Фадеев в интервью «Вечерней Москве» утверждал, что тот факт, что «в смысле своих политических взглядов [Маяковский. — Б.Я.] доказал свою близость пролетариату», не означает, что его приняли «со всем его теоретическим багажом... Мы будем принимать его в той мере, в какой он будет от этого багажа отказываться, — объяснил он, снискходительно добавив, — мы ему в этом поможем».

⁹ Ср. воспоминания Асеева, согласно которым Маяковский во время игры обычно громко разговаривал, шутил и угрожал призывами в духе «Лучше сдайся мне живым». Но в этот раз он был «необычайно тих и безынициативен. Он играл вяло, посапывал недовольно и проигрывал без желания изменить невезенье». Примечательно, что Асеев, перечисляя участников игры, не упоминает Грингруга (Асеев Н. Воспоминания о Маяковском // Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 397–398).

¹⁰ Согласно В. Полонской, встреча имела место не 13-го, а 12-го апреля, когда она взяла с Маяковского обещание пойти к доктору и поехать

отдохнуть хотя бы на пару дней. По пути к ней домой, в машине, Полонской показалось, что она заметила на тротуаре Льва Гринкурга, но Маяковский сомневался. «Хорошо, если это Лева, то ты будешь отдыхать 13-го и 14-го. И мы не будем видеться», – сказала она. Маяковский принял вызов, они вышли из машины и добежали до человека, которого Полонская считала Левой и который им и оказался. Нора выиграла пари, и Маяковский пообещал, что пойдет к врачу и два дня отдохнет (см. воспоминания В. Полонской в кн.: «В том, что умираю, не вините никого»?.. М., 2005. С. 501).

¹¹ Т. е. через день.

¹² Телеграмма была отправлена 14 апреля в Берлин, куда на следующий день приехали Брики из Амстердама: «Сегодня утром Володя покончил собой. Лева. Яня» (см. фотографию телеграммы в моей кн.: Ставка – жизнь. Владимир Маяковский и его круг. М., 2009. С. 573).

¹³ В. Катанян поехал встречать Бриков на границу Польши и РСФСР.

¹⁴ Описка: речь идет не о колумбарии, а о крематории Донского монастыря.